

Александр Ф. Скляр — «Газете»

«В «Ва-Банке» всегда играли сугубо московские люди»

В этот четверг в зале МХАТа группа «Ва-Банк» даст концерт в честь своего 20-летнего юбилея. О предстоящем концерте и о биографии «Ва-Банка» с лидером группы Александром Ф. Скляром поговорил корреспондент «Газеты» Александр Зайцев.

Расскажите, пожалуйста, каким в общих чертах будет этот концерт. Я знаю, что в нем будут участвовать и приглашенные гости.

Да, Костя Кинчев, Глеб Самойлов, Гарик Сукачев, обещался приехать Володя Шахрин, который специально для этого прилетит из Екатеринбурга. Все ребята делают наши песни, и, соответственно, это первое исполнение наших песен другими вокалистами, очень нами уважаемыми людьми, музыкантами. Все это будет завязано в единый клубок большого акустического концерта. Мы его запишем на аудио и на видео. И, кроме этого, мы делаем специальное оформление сцены — нам помогают те же ребята, которые делали видеоряд для презентации нашего альбома «Игроки и шпионы». Мы так составляем программу, что там будут песни всех наших периодов: начиная с самого раннего «Ва-Банка» и заканчивая последним альбомом. Будет совместное исполнение всеми вокалистами песни Кости Кинчева «Рок-н-ролл», которая сочинена им в конце августа и исполняется на концертах «Алисой», но никогда еще не была записана, ни в каком варианте.

Хочу спросить о ранних годах «Ва-Банка». Первый альбом группы был записан и выпущен в Финляндии, а второй — во Франции. Довольно нетипично для русской группы. Как так получилось?

Просто так нетипично получилось. (Смеется.) В конце 1980-х был интерес к музыке из Советского Союза. И некоторым группам просто посчастливилось на волне этого интереса и поехать по европейским странам, и поиграть там концерты, и пообщаться с тамошними музыкантами. Соприкоснуться с тамошней системой клубного концертирования и вообще турувого концертирования — тем, о чем у нас мало кто имел представление.

Естественно, мы выступали не перед какими-то живущими там русскими, это была обычная западная аудитория в обычных западных клубах, которая понятия не имела, что это за группа здесь обозначена: какой-то «Ва-Банк» выступает сегодня, там, в Кельне в клубе под названием «Луксор», допустим. В следующий день выступает какая-то группа из Нидерландов, потом еще откуда-то и еще откуда-то. Просто в этих местах есть свой контингент, публика, которая ходит на имидж клуба. Сходили, а дальше уж как там: понравилось — значит, понравилось, к тебе кто-то подойдет после концерта, скажет: «Молодцы».

Например, вот в таком же клубе я получил кассету Генри Роллинза от одного из людей. Он сказал: «Чуваки, вы так клево выступали, мне так понравилось. А вот здесь несколько дней назад

выступал Генри Роллинз. Знаете вы такого?» Мы говорим: «Нет, не знаем». «А я вот как раз купил его диск, записал на кассету, хотите, вам дам?» Вытащил из плеера и дал мне кассету. И я тогда услышал Генри Роллинза, я думаю, его тогда здесь вообще никто не знал.

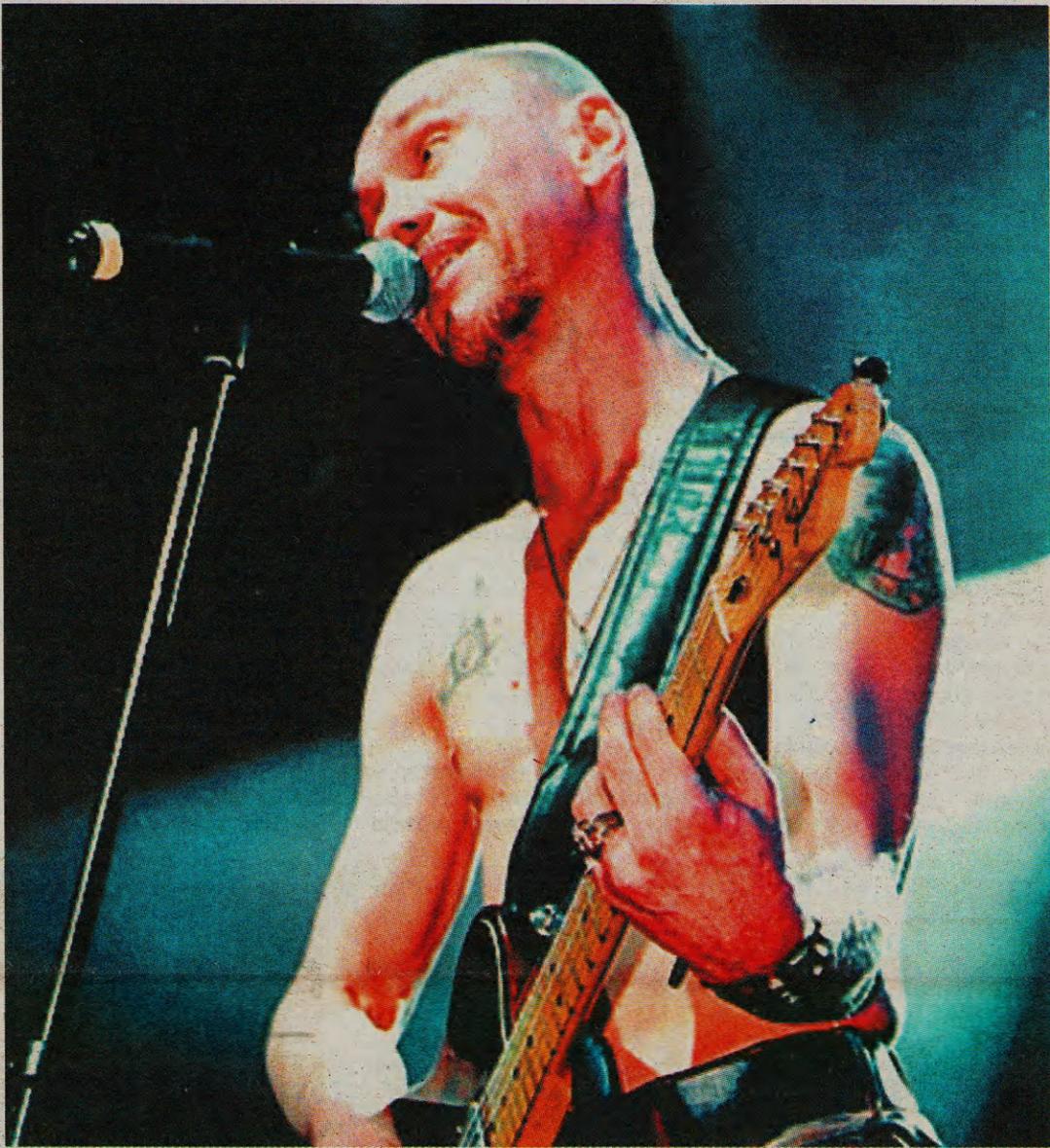
Считаете ли вы «Ва-Банк» характерной московской группой?

Да, я думаю, что характерной, хотя бы потому что в «Ва-Банке» всегда играли сугубо московские люди. Я думаю, что это важный момент. Это же город с очень ощутимой своей аурой, своим колоритом. И если ты в нем родился и вырос и продолжаешь жить, то это не может не накладываться на тебя определенный отпечаток. А в «Ва-Банке» всегда были только московские люди. И недавно я подумал: надо же как, «Ва-Банк» весь поменялся за эти двадцать лет — я остался единственным человеком, с которым начинался «Ва-Банк», — а в нем до сих пор все москвичи. Поэтому я думаю, что «Ва-Банк» можно смело назвать сугубо московской группой, со всеми плюсами и минусами этого дела. Москвичей же не любят. Конечно, это ощущали. Сейчас напрямую уже никто не будет говорить: а, вон москвичи. Естественно, мы никогда не стесняемся — куда бы мы ни приехали, я всегда объявляю: «Привет, ребята, перед вами московская группа «Ва-Банк».

На Западе группы любят акцентировать свое происхождение: «мы из Нью-Йорка», «мы из Детройта», «мы из Шеффилда».

Да, потому что там тоже понятие определенной школы существует. Это же конкретное понятие — сизтловский рок. Или нью-йоркская школа хардкора. Sick Of It All — это совершенно конкретно hardcore old school from New York. И у нас все равно есть московская школа, питерская, свердловский рок. Но то, что сейчас многие группы, которые обосновались в Москве, родом не из Москвы, это очевидно. Сейчас, наоборот, классическая московская школа рок-н-ролла находится где-то на задворках.

Каждый раз, когда мы приезжаем в Питер — достаточно часто и я там бываю, и мы как группа там бываем, — ну я же чувствую другую атмосферу. Это я чувствую, побывав там несколько дней. А если бы я там жил 10, 20 лет? Другое дело, у меня такое ощущение, что питерская школа сейчас на подъеме. Она, мне кажется, сейчас производит больше талантов, чем московская школа. Почему так происходит — это уже другой вопрос. Может быть, в Питере материальное давление меньше. Москва очень зависима от денег, и в этом смысле здесь все труднее, здесь за все на-

до платить. Там, конечно, тоже за все надо платить, но не такие деньги. И, может быть, поэтому там легче существовать чисто атмосферно, легче рождаются новые группы, нести какие-то новые идеи. У тяжелой музыки, мне кажется, сейчас центр в Питере: всякие «7 Раса», Amatory, «Психея» — это все питерские группы. И каждый раз, когда они приезжают сюда, посмотрите, на них же битки, битковые залы. Значит, московской публике этого не хватает, а своими группами она насытиться не может. Значит, получается, что по крайней мере в альтернативной музыке Питер сейчас действительно на подъеме и снова перекрывает Москву.

Вы активно пропагандировали альтернативную музыку в 1990-х. Какова ваша реакция на то, что теперь эта альтернатива стала мейнстримом, массово продаваемой музыкой?

Это же неизбежная вещь, которая происходит вообще со всеми революционными течениями в музыке. Все рано или поздно поглощаются мейнстримом. Тогда возникает что-то новое, что не принимается мейнстримом и опять некоторое время существует в авангарде. Я всегда говорю, что в альтернативе сконцентрированы самые прогрессивные силы, потому что для того, чтобы делать что-то новое, надо иметь мозги. А мейнстрим — это что-то такое усвоенное и выплеснутое, как такая общая жвачка, жвачка для уха.

Вы сейчас видите какой-то реальный авангард?

Я не вижу. Я думаю, что сейчас вообще происходит застой. Все, что сейчас появляется, это очень хорошие компиляции чего-то, что давно уже было. Но вполне вероятно, что сейчас просто время такое, и есть что-то, что должно зреть-зреть и потом прорваться. По крайней мере я на это очень надеюсь, что что-нибудь прорвется. Потому что очень тоскливо становится. (Смеется.)

А как вы впервые услышали Алешу Дмитриевича?

О, это было задолго до «Ва-Банка». Алеша Дмитриевич — это моя любовь на всю жизнь, которая началась... да в институте, наверное. У некоторых людей тогда были записи. Мне посчастливилось одну из таких записей иметь через круг людей, с которыми я в то время общался. Ну вот и все, что называется: коготок увяз, всей птичке пропасть. И эта запись, но уже на нормальном носителе — на CD и даже на виниле — меня сопровождает всю жизнь. Потому что я как тогда восхищался альбомом, который начинается с песни «Табак», как я до сих пор могу слушать — в любом контексте, даже плохо записанного — Джими Хендрикса, так я могу слушать в любом контексте и Алешу Дмитриевича, потому

что это мастер. Есть мастер Александр Николаевич Вергинский, есть мастер Алеша Дмитриевич. Тут ничего не сделаешь, это как ожог. Знаете, такой ожог до кости. Он потом проходит, а шрам остается на всю жизнь. Вот Алеша Дмитриевич — это один из моих шрамов, который у меня остался с юности. Один из немногих, надо сказать, шрамов, которые остались с юности. Многие прошли — значит, не такой сильный ожог был. И не случайно я попытался, уже став артистом, сделать это своей профессией, записать альбом «Цыганский рок-н-ролл», посвятив его памяти Алеша Дмитриевича, естественно. До сих пор я его песни исполняю. Все это такие вещи, которые тебя на самом деле и формируют как музыканта. Совершенно не важно, в каком стиле ты играешь, исполняешь ли ты рок-н-ролл или классическую музыку или танцуешь балет. Все равно вот такие фигуры, раз попав в твою жизнь, раз пересекшись с твоей внутренней судьбой, всю жизнь оказывают на нее какое-то действие. И конечно, тебя не может не греть мысль, что это твой соотечественник, так или иначе. Неважно, что ты с ним никогда не виделся, неважно, что он эмигрировал из этой страны и никогда в нее не вернулся. Но это твой соотечественник, и корни у него и у тебя одни и те же. Это важно. Потому что с Джими Хендриком никак... Начиная с цвета кожи и заканчивая страной обитания. (Смеется.) А Алеша Дмитриевич отсюда же, ходил по этим улицам когда-то.

Скляр Александр Ф.

112